

XXIII

23 февраля

Оказывается, я ошибался, думая, что субъекты из ратуши не посмеют нас преследовать!

Они посмели.

31 октября пройдет перед судом солдафонов. Офицеры взятой в плен армии будут судить свободных людей.

Перед ними предстанут Лефрансе, Тибальди, Верморель, Везинье, Жаклар, Ранвье, а может быть, и другие, если их удастся захватить. Их проведут между двумя рядами заряженных ружей с примкнутыми штыками, готовыми пронзить их грудь при первой попытке к бегству или бунту.

Их посадят на скамью, узкую и жесткую, как школьная парта, засунут между столом и старой печкой так, что не видно будет даже их голов, – голов, в которые целятся статьи кровавого кодекса.

Но я знаю, что на этот раз на карту не поставлены ни их головы, ни даже их свобода. Кто, имеющий сердце, решится осудить их?

Осудить за то, что, видя, как корабль несется на рифы, они кинулись к капитану и закричали:

– Франция идет ко дну! Дайте сигнал тревоги!

Их осудить!! Почему бы их тогда не отхлестать треуголкой Трошю, не проткнуть шпагой Базена?

Но это не все. На этой неделе полиции хватит работы, и прокурору Республики придется только поспевать с обвинительными заключениями.

Они будут судить также клочок бумаги, называемый «Красная афиша»[160]. Она была расклеена на стенах в тот момент, когда не хватало хлеба и снаряды сыпались дождем.

Ну и задало оно нам жару, это воззвание... Вайяну, Леверде, Тридону * и мне.

На заседании 5 января Ла-Кордери поручила нам стать выразителями общей мысли.

Было условлено, что к десяти часам утра следующего дня мы приготовим прокламацию, и если собрание одобрит ее, то она удостоится чести быть расклеенной в ту же ночь во всех предместьях Парижа.

Но надо было составить ее.

Надо было выразить волю народа его простым и вместе с тем мощным языком. Народ брал слово перед лицом истории, в разгар самого страшного из ураганов, под огнем неприятеля. Нужно было думать одновременно и о родине и о революции.

И вот четверо литераторов, запершись в маленькой комнатухе на улице Сен-Жак, ломали себе голову над каждой новой строчкой, выходившей из-под их пера, боясь впасть в пошлость или декламацию.

Нам было стыдно перед самими собой, и каждый удар стенных часов мучительно отдавался в нашем мозгу.

Наконец к пяти часам утра наша трудная работа была на три четверти сделана.

Тридон[161] – совсем больной, обреченный на смерть пожиравшей его болезнью, – предложил немного вздремнуть, с тем чтобы потом снова взяться за дело.

Мы растянулись с ним вдвоем на импровизированном ложе, но вскоре я оставил его, чтобы предоставить ему больше места. Бедняга: на шее – корпия, на теле – лохмотья... Он закутался в единственное оставшееся нам одеяло; другое взяли товарищи.

Тело его было уже в агонии, но мысль оставалась сильной и ясной.

Когда мы встали, мы услышали непривычную по силе пушечную канонаду. Это началась бомбардировка.

А наш манифест застыл на месте... оцепенел, как и мы.

Трудно передать наше отчаяние: мы боялись оказаться недостойными наших товарищей; а новые ядра свистели нам в уши, как недовольная публика в театре.

Недоставало одной, только одной фразы, но такой, где трепетала бы душа Парижа; Париж тоже должен был сказать свое слово, чтобы занять место в будущем.

Мы поплелись в Ла-Кордери, так и не закончив воззвания и не только не думая об опасности, а скорее даже с тайным желанием быть убитыми в пути.

Но вот при одном особенно сильном залпе Тридон встряхнулся, наморщил брови и, глядя на небо, бросил в морозный воздух одно слово, одну фразу.

Он нашел!..

Прокламация, прочитанная среди торжественного молчания, была покрыта аплодисментами.

«Дорогу народу! Место Коммуне!» – так кончалась она.

Вот эту-то прокламацию они и собираются преследовать судом. А между тем она не являлась призывом к восстанию; это был крик, вырвавшийся из наболевших сердец, и скорее крик отчаяния, чем крик негодования.

Подписавшие ее были арестованы, но толпа, с барабанщиком во главе, открыла им двери мазасской тюрьмы. И вот теперь судебный пристав из Шерш-Миди[162] вызывает их.

Господа из ратуши хорошо помнят этот плакат, хотя за это время утекло немало и грязи капитуляции, и крови 22 января...[163]

Но 22 января тоже предстанет перед судом. Они хотят сделать из него преступный день.

Но кто же был преступником?..

Бедный Сапиа![164] Сраженный, он упал с дешевой тросточкой в руках. Он кричал: «Вперед!» – но у него не было ни сабли, ни ружья.

Не стрелял, конечно, и поднятый мертвым девятилетний ребенок; так же, как и старик, чьи мозги брызнули на фонарь: в его кармане нашли молитвенник, а не бомбу.

Сколько невинных убито 22 января!

Те, кто не мог достаточно быстро бежать, прятались за кучами песку или, скорчившись, ложились позади сваленных фонарей в грязи по самые уши.

Время от времени один из этих притаившихся отделялся от кровавой груды и полз на животе в более надежный уголок... Но вдруг останавливался и не двигался уж больше. А на боку у него можно было разглядеть алое пятно, – точно отверстие в бочке с красным вином.

Среди тех, кого приведут завтра жандармы, есть и такие, что явились тогда лишь для того, чтобы поднять раненых или прикрыть своим носовым платком обезображенные лица мертвецов.

Жестокие, бестактные люди, стоящие у власти, не поняли, что им тоже лучше было бы поступить по их примеру и набросить на эти страшные дни покров забвения.

8 марта

Суд над 31 октября свершился!

Трибунал из солдат оправдал большинство из тех, кто согласно договору, заключенному в ту зловеще закончившуюся ночь, вовсе и не должен был бы подлежать ни аресту, ни преследованию.

Шпага военного суда пригвоздила клятвопреступников из ратуши к позорному столбу истории.

На скамье подсудимых остались только Гупиль[165], я и еще несколько человек, привлеченных к ответственности за действия, не предусмотренные соглашением.

«Красное воззвание» тоже вышло победителем на судебном разбирательстве.

В Шерш-Миди было два заседания, две группы обвиняемых, два одинаковых оправдательных приговора. Члены правительства обороны должны еще до сих пор краснеть от стыда...

Ферри, однако, просто из себя выходил: он презрительно обращался с побежденными и клялся честью, что видел меня – да, именно меня, Вентра, – ночью 31 октября в ратуше, что я был среди тех, кто кричал больше всех и кто грозил отправить его в Мазас.

Чтобы изобличить его, я должен был сделать следующее заявление:

1) что, испытав на себе, что такое Мазас, я скорее допустил бы гильотинировать товарища, чем отправить туда врага;

2) что я считаю его, Ферри, скорее заслуживающим порки, чем мученичества;

3) что, к моему великому сожалению, я никак не мог оскорблять правительство на его курульном кресле, так как обвиняюсь в том, что как раз в это самое время, находясь в Ла-Виллетт, я упрятал в шкаф почтенного Ришара, законного мэра, и отравил народ, накормив его селедками, «предназначавшимися для раненых».

Факты говорили сами за себя, но Ферри, по-видимому, нажаловался на меня, и если только председатель военного суда заодно с правительством, – мне не поздоровится...

11 марта. Шерш-Миди

– Тебя, Вентра, наверно, приговорят к шести месяцам.

Возможно, я и получу шесть месяцев тюрьмы, но могу дать вам расписку, что постараюсь не отсиживать их.

Быть задержанным и посаженным в тюрьму в такой момент – значит, в самом непродолжительном времени попасть в ссылку. Достаточно как-нибудь вечером вспыхнуть восстанию в предместье – и тебя схватят и тайком отправят в Кайенну, если только это не кончится еще проще: смертью от пистолета какого-нибудь полицейского, уставшего за день восстания, или расстрелом у стены по всем правилам искусства.

В воздухе пахнет расстрелами. В опьянении победы, в ярости борьбы с неопределенным исходом – горе заключенным!..

Было бы ужасно исчезнуть таким образом.

Правда, эти упрощенные убийства не получили еще широкого распространения, но если даже отбросить возможность перехода в небытие, уже само заключение в тюрьму было бы тоже слишком тяжело.

Как знать, донесутся ли до меня шумы города, проникнут ли сквозь решетку моей камеры вспышки урагана? Неужели я ни о чем не буду знать? Ничего не услышу?.. а в это время будет решаться судьба наших, они будут рисковать своей жизнью, их ряды будут опустошаться...

Так пусть же тот, кто хочет, разыгрывает из себя Сильвио Пеллико[166], а я, я постараюсь проскользнуть у них между пальцами!

Это будет нетрудно.

Хотя мы – обвиняемые, но мы на свободе. Мы сами добровольно предстали перед судом. Поэтому нас охраняют спустя рукава.

Слева от меня – старый служака, прямой, как дуб, с длиннющими усами, которыми он два или три раза чуть было не выколол мне глаза: он на голову выше меня.

Но он посматривает на меня – сверху – без всякой злобы, пожалуй даже добродушно, хотя и бормочет сердито какие-то непонятные слова, – точно жует камни.

Суд удалился на совещание.

По углам оживленно обмениваются мнениями, спорят. У меня, может быть, осталось всего несколько минут свободы, надо воспользоваться ими, чтобы поболтать и поспорить, как другие... а главное, чтобы посмотреть, не открыта ли дверь.

Фу, черт!.. Ус моего соседа уже в четвертый раз лезет мне прямо в глаз. Но на этот раз я разобрал, что брызжит он мне в ухо вот уже добрых четверть часа:

– Да удирайте же вы, милейший, черт вас возьми!

– Спасибо, старина... Постараюсь!

Я перешагнул порог, и вот я на улице. Как это было и в Ла-Виллетт, я иду ленивой походкой, будто гуляю, но, повернув за первый же угол, ускоряю шаги.

Я нашел себе убежище в двух шагах от той тюрьмы, где мне пришлось бы отбывать наказание.

На другой день товарищ, оповещенный о месте моего пребывания, принес мне приговор. Меня как миленького присудили к шести месяцам, но это мало беспокоит меня.

Хуже другое: эти солдафоны осадного положения одним росчерком пера закрыли шесть социалистических газет, в том числе и «Крик народа»[167], вышедший уже восемнадцатым номером и имевший большой тираж.

Ферри отомстил. Я свободен, но газета моя убита.

К несчастью, он отомстил не только мне. Милосердие военного суда было одним притворством; по делу 31 октября только что вынесен смертный приговор Бланки и Флурансу.

Пускай!.. они вне пределов досягаемости.

В моем убежище я никого не вижу, ничего не знаю. Но я чувствую, что собирается гроза, вижу, как темнеет горизонт. Пусть бы уж они поскорее вывели из терпения народ, и пусть грянул бы первый удар грома!

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 2 мая 2026 13:37:37

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 2 мая 2026 13:40:36